

**Российская академия наук
Институт всеобщей истории**

На правах рукописи

Подосинов Александр Васильевич

**Пространственные представления в архаических культурах
Евразии (ориентация по странам света)**

Специальность:

07.00.03 - всеобщая история

**Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Москва 1997

Диссертация выполнена в Институте российской истории РАН

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук

Л. П. Маринович

доктор исторических наук

В. Я. Петрухин

доктор исторических наук

Д. С. Раевский

Ведущая организация:

Кафедра истории древнего мира

исторического факультета

Московского государственного университета

им. М. В. Ломоносова

Защита состоится "___" _____ 1997 г. в ____ час. на заседании Диссертационного совета Д. 002.98.01 при Институте всеобщей истории РАН по адресу: 117334, Москва, Ленинский проспект 32а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института всеобщей истории РАН

Автореферат разослан "___" _____ 1997 года

Ученый секретарь

Диссертационного совета

доктор исторических наук

/А. П. Черных/

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Представления о пространстве и времени относятся к важнейшим категориям, характеризующим сознание человека, определяющим социально-психологическую специфику той или иной культуры, задающим основные параметры "образа мира" этой культуры. Изучение архаических культур мира немыслимо без анализа этих основополагающих категорий.

Представления о пространстве могут изучаться в самых разнообразных аспектах (широта пространственного кругозора, линейность пространства, его конечность, непрерывность или дискретность и т. д.). Здесь рассматривается только один из них - проблема ориентации человека в пространстве, ибо именно в ней фокусируются космологические, астрономические, сакрально-культовые, географические, бытовые и прочие ориентационные представления и принципы, а значит - обнажаются узловые моменты в постижении древним человеком пространственных связей и отношений.

Четыре страны света (восток, юг, запад и север) с древнейших времен играли важную роль в создании системы координат, позволявшей человеку определять и описывать свое положение в пространстве, т. е. ориентироваться относительно других объектов. Основой для возникновения и существования такой системы являлось самое яркое, жизненное и неизменное явление в космосе и природе - движение по небосклону Солнца - подателя света и тепла.

Картина мира для древнего человека складывалась из нескольких взаимообусловленных и сосуществующих на разных уровнях аспектов - космического (астрономического), географического, религиозно-мифологического и личного восприятия.

Поэтому и ориентация по странам света - помимо своего естественного практического значения (на охоте, в

путешествиях, на войне) - имела также и глубоко сакральный смысл. Древний человек, чувствуя свою глубокую зависимость от явлений космического порядка, стремился в окружающем его микрокосме воссоздать пространственно-временные структуры, имитирующие макрокосмические отношения, не в малой степени с целью иметь возможность воздействовать на макрокосмические силы, управляющие его бытием. Города, храмы и жилища основывались и возводились в соответствии с космическими явлениями, проектируемыми на землю, культовые обряды возникали из стремления воздействовать с помощью священнодействий на космические процессы.

Отсюда проистекает значение стран света для различных сфер жизни: а) светской - 1) в повседневной жизни; 2) в геокартографическом определении пространственных отношений на земной поверхности; 3) в ориентации при планировании жилищ, городов, военных лагерей, при межевании земельных наделов и т. д.; б) сакральной - 1) в ориентации культовых зданий и площадок; 2) в ориентации при молитве и других культовых действиях (процессиях, жертвоприношениях, прорицаниях, гадании, крещении и т. д.); 3) в ориентации умерших и погребений.

Проблема ориентации человека в пространстве в широком историко-антропологическом аспекте и на материале древних культур до сих пор серьезно не ставилась и не рассматривалась. Тем не менее, по крайней мере с середины прошлого века появляются работы, свидетельствующие о возникновении интереса к этим вопросам, аккумулирующие и классифицирующие разнообразный материал, относящийся к нашей теме (см. работы: H. Nissen, 1869 и 1906; A. L. Frothingham, 1917; T. D. Atkinson, 1918; K. Tallqvist, 1928; F. J. Dolger, 1918, 1920; P. Stephan, 1956 и др.). Написанные в позитивистском духе, они во многом устарели как в методологическом, так и фактологическом плане.

В отечественной историографии можно отметить несколько работ, посвященных некоторым аспектам ориентации по странам света в отдельных культурах (см. работы: Е. В. Антонова, А. К. Байбурина, Г. А. Левинтон, Г. М. Василевич, Л. Л. Викторова, Р. М. Гаряев, Т. Н. Джексон, Н. Л. Жуковская, Вяч. Вс. Иванов,

А. Н. Кононов, Е. А. Крейнович, А. В. Лушникова, Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова, Э. М. Мурзаев, В. А. Никонов, П. А. Раппопорт, Б. А. Рыбаков, В. В. Седов, Л. И. Сем, Е. С. Семека, Г. Ф. Соловьева, В. Н. Топоров, Т. В. Топорова, Т. В. Цивьян, С. М. Широкогоров и др.). Их наблюдения и разработки дают ценный материал для изучения ориентационной практики архаических народов Евразии, особенно северной ее части. Тем не менее следует с сожалением отметить полное отсутствие монографических исследований на эту тему.

Не в малой степени этим обстоятельством объясняется существование в научной литературе множества противоречащих друг другу оценок того, какие страны света были главными в той или иной культуре. Такая разногласия в оценках дает повод для серьезных раздумий как о самом объекте исследования, так и о методике и методологии этого исследования.

Представляется, что указанные противоречия обусловлены тремя основными причинами - объективными и субъективными.

Во-первых, это разрозненность и недостаточность источников по ориентации в разных культурах древности.

Вторая причина заключается в условиях научного поиска. Наблюдаемые в историографии вопросы противоречия нередко объясняются выборочным использованием для анализа только одного или нескольких типов источников (например, лингвистических, или литературных, или картографических), отражавших обычно только одну какую-то ориентационную систему.

Третья, тесно связанная со второй и носящая методологический характер причина - это абстрактно-спекулятивный подход к проблеме, не учитывающий, во-первых, изменчивости исторического бытия, а во-вторых, его многослойности. Я имею в виду стремление большинства исследователей, исходя из одного факта ориентации в одной сфере жизни, запечатленного в одном виде источника, приписать всей культуре на протяжении всей ее истории одну, единую, универсальную "национальную" ориентацию, будто бы пронизывающую собой все области астрономо-теоретической, геокартографической, религиозно-мифологической и бытовой

ориентационной теории и практики.

Такая точка зрения грешит недостатком историзма и метафизичностью. Уже априори следует предположить сосуществование разных и к тому же гетерогенных систем ориентации в разных сферах жизни общества. Трудно представить, чтобы составитель карты пользовался той же ориентацией, что и жрец, выполняющий определенные обряды в храме у алтаря, путешественник-купец ориентировался так же, как гадающий на печени маг, а хижина крестьянина планировалась и строилась в той же ориентационной системе, что и городской храм, да и, как выясняется, храмы, посвященные разным богам, часто имели различную ориентацию в рамках одной культуры.

Описанные системы могли сосуществовать друг с другом, накладываться одна на другую, переплетаться, взаимовлиять, вытеснять одна другую, а отсюда - мнимые противоречия в источниках. Их сосуществование могло быть следствием того, что они функционировали в разных сферах, одни, скажем, в сфере практической и географической, другие - в культовой, третьи - в астрономо-астрологической. Задача преодоления указанных выше противоречий и их причин, все больше осознаваемых в литературе, представляется весьма актуальной.

Наконец, актуальность темы заключается в необходимости оплодотворить большой эмпирический материал идеями и методиками современных наук когнитивного, антропологического и этнологического плана, которые дают возможность реконструировать менталитет древнего человека.

В сущности, тема настоящего исследования - это Человек и Природа, Человек и Космос, поскольку ориентация в пространстве являлась для человека одним из важнейших условий его выживания и существования. Изучение ориентационных принципов у разных народов в сравнительно-историческом плане весьма важно, особенно с точки зрения возможных влияний и заимствований. В этом видится мне практико-историческое значение исследования.

Задачи исследования

Итак, первая задача настоящего исследования - проследить, как в языке, литературе, археологических

остатках, искусстве, космологических и географических картах - во *всем* многообразии проявлений той или иной культуры древности - запечатлелись и отразились ориентационные навыки и воззрения, характерные для человека данной культуры.

Собрать воедино *весь* существующий материал по *всем* культурам Евразии и во *всех* сферах жизни - задача, которая раньше не ставилась. На мой взгляд, только комплексный анализ *всех* видов ориентации в данном обществе может пролить свет на закономерности этого явления. Компаративистский подход, доказавший свою правомочность во многих отраслях гуманитарного знания, как нельзя лучше работает на нашем материале.

Вторая задача, стоящая передо мной, - обобщение и *концептуальное осмысление* явлений ориентации во всех архаических обществах Евразии. Этот анализ позволяет понять, что роднит все культуры между собой, что является специфичным для данной культуры, что заимствовалось из одной культуры в другую, а что составляет архетипические, общие для всех людей представления о пространстве.

Большую часть исследования занимает анализ литературных свидетельств об ориентации, а также археологических источников, из которых видна ориентация городов, храмов, дворцов, жилищ и т. д.

Исследуя проблему ориентации по странам света, мы неизбежно сталкиваемся с вопросом о "правом" и "левом" (а также "переднем" и "заднем") в языковой и ориентационной практике человека. Была ли правая сторона исконно "благоприятной", а левая - "зловещей", от какой страны света отсчитывали правую и левую стороны при ориентации в космическом и географическом пространстве, какой сакральный или политический смысл имело в иконографии расположение фигур, какое движение (справа налево или наоборот) считалось благоприятным и т. д. - все эти вопросы также напрямую связаны с проблемами пространственной ориентации и рассматриваются в данной работе.

В языках многих народов мира страны света часто имели символические обозначения, присваиваемые им по аналогии с иными сферами космического и природного характера: страны

света могли отождествляться с временами года, животными, физическими элементами, цветами, деревьями, частями человеческого тела, металлами, драгоценными камнями, богами, числами и т. д. Эта так называемая *символическая классификация* (особенно ярко проявившаяся в китайской культуре) показывает включенность, а, на мой взгляд, и главенство стран света в картине мира древнего человека. Е. М. Мелетинский отмечал, что «в космогонических схемах, относящихся к различным традициям (например, в индийской, китайской, древнемексиканской и др.), достаточно эксплицитно соотнесены страны света, боги и животные, времена года, стихии, органы тела, цвета, иногда геометрические формы, некоторые географические сферы, социальные ранги, специальные атрибуты... Поэтому близкие представления могут быть переданы в коде "географическом", "календарном", "зоологическом", "цветовом", "анатомическом" и т. д.» (Мелетинский, Поэтика, 233).

Таким образом, перед нами стоит широкий спектр культурологических проблем, составляющих собственно объект исследования исторической антропологии. Особенно близко теме данной работы определение культуры в семиотических исследованиях как "структурной организации окружающего человека мира" (Лотман/Успенский). Изучение мифопоэтических (донаучных, дологических) представлений о пространстве и времени дает возможность в какой-то мере восстановить структуру архаического сознания.

Говоря об "архаических (или традиционалистских) обществах", "архаическом сознании", "мифологическом мышлении", "мифопоэтическом мировоззрении", я отталкиваюсь от понимания, развитого в трудах Э. Кассирера, Е. М. Мелетинского, В. М. Лотмана, Б. А. Успенского, Вяч. Вс. Иванова, В. Н. Топорова и других представителей семиотического и мифолого-структуралистского подхода к проблемам истории культуры. "Архаическое" или "мифопоэтическое" сознание архаических обществ отличается от позднейших тем, что в первых "мифологизм в той или иной форме тотально господствует или решительно доминирует, является душой единой, однородно семиотизированной культуры" (Мелетинский). К архаическим обществам обычно причисляют большое количество обществ вплоть

до высокого средневековья: при этом историческое время их существования не играет большой роли: многие элементы архаического сознания дожили и до наших дней.

Хронологические и территориальные рамки работы

При сформулированной выше постановке вопроса чем шире материал, привлекаемый для сопоставления, тем более весомыми и убедительными могут стать выводы об универсальной способности человека ориентироваться в пространстве, тем более глубоко сможем мы заглянуть в сущность *homo sapiens*. Этим объясняется, в частности, включение в исследование этнографических материалов из культур, которые не могут быть названы древними.

Поскольку работа в предлагаемом мной аспекте в основном не была проделана для большинства культур, я считал полезным собрать и обсудить весь доступный комплекс материалов из максимально широкого круга древних культур Евразии (от Китая до древнего Рима и от кельтов до монголов) с древнейших времен до середины II тысячелетия н. э. Вторая дата во многих отношениях является не только символическим, но и действительным рубежом в переходе к современности, к Новому времени (по крайней мере, в Европе). Открытие Америки, впервые и навсегда замкнувшее для человека пространство Земной поверхности, появление в Западной Европе первых латинских переводов Птолемея, перевернувших представления о возможностях пространственного изображения Земли, бурное развитие практической картографии (расцвет португальской картографии датируется как раз XV веком), изобретение книгопечатания и многие другие "новшества" начали постепенно разрушать картину мира, сложившуюся в западноевропейском средневековье, а в сознание человека все глубже проникало ощущение самого себя как обитателя Земли. Это время маркировано как переходное и во многих других областях человеческой культуры.

Отмечаемая многими исследователями синхронность развития духовной культуры разных цивилизаций Евразии дает возможность равномерного освещения наших проблем, без колебаний в сторону европо- или азиоцентризма, в чем я вижу одну из задач исследования.

Источники

В соответствии с широким пониманием проблемы ориентации в пространстве весьма широким оказывается и круг *источников*, необходимых для изучения этой темы.

Это прежде всего *литературные источники*, описывающие, как правило, в имплицитной, а иногда и в эксплицитной форме различные проявления ориентационных навыков и представлений, распространенных в данной культурной среде. Из письменных источников мы узнаем не только то, как ориентировался в пространстве тот или иной человек, но и получаем сведения о различных космологических, религиозных и философских воззрениях, часто влиявших на конкретные формы ориентации. Этот вид источников является наиболее ценным и информативным, так как здесь описывается расположение географических объектов относительно стран света, даются инструкции или ведется дискуссия по вопросам ориентации храмов или молитвы, приводятся тексты молитв и т. д.

Таковы, например, древне-китайские книги обрядов и церемоний, сохранившие описания ориентации по странам света в связи с символической классификацией, пронизывавшей все мироздание; таковы клинописные тексты, которые закладывались в основание месопотамских храмов; таковы географические описания греков; таковы Тексты Пирамид, запечатлевшие на стенах пирамид процедуру их ориентации; таковы инструкции римских агрименсоров (землемеров) и трактаты об этрусских древностях; таковы египетская и буддистская "Книги мертвых", в которых затрагиваются проблемы ориентации в земном и потустороннем пространстве; таковы, наконец, полемические и учительные сочинения отцов церкви в период, когда обряды и литургия христианства находились еще *in statu nascendi*, и многие другие. Свидетельства об ориентации сохранились в эпических произведениях - в "Махабхарате" и "Рамаяне", "Илиаде" и "Одиссее", "Младшей Эдде" и "Старшей Эдде", в памятниках фольклора и религии - в "Ведах", "Авесте", "Библии", "Коране", "Калевале" и др.

Весьма важным представляется анализ *языковых явлений*, нередко прямо указывающих на присутствие в языке определенной системы ориентации и на ее генезис. Так, например, названия

востока и запада в русском языке и многих других языках свидетельствуют о солярном происхождении этих обозначений; часто названия стран света происходят из наименований, связанных с понятиями "право", "лево", "перед", "зад", что дает возможность устанавливать реликты древних систем ориентирования.

Большой материал для нашей постановки вопроса предоставляют данные *археологических исследований*: из них мы узнаем о реальной ориентации реальных городов, храмов, жилищ, земельных наделов, погребений и т. д. К этому же виду источников мы можем отнести произведения древнего искусства (картины, росписи, рельефы, скульптуры и т. д.), запечатлевшие некоторые ориентационные навыки.

Как всегда, когда мы изучаем духовную культуру древних народов, весьма полезным оказывается сопоставление результатов этого исследования с наблюдениями, сделанными *этнографической наукой* среди народов, сохранивших черты архаической идеологии и психологии (так называемые "примитивные культуры"). Многие стороны и особенности жизни народов в древности (например, языческих славян) были выявлены и исследованы именно этнографами, находящими в современной жизни пережитки весьма древних обрядов и ритуалов, в том числе и связанных с ориентацией.

Картография древних народов, представленная, как правило, небольшим количеством сохранившихся артефактов, в основном археологического свойства, также дает повод для размышлений о том, почему картограф предпочел ту или иную страну света в качестве верхней для своей карты и как это связано с господствующими в данном обществе ориентационными представлениями (недаром христиане предпочитали ориентировать свои карты на восток, а древнекитайские карты имели наверху юг). Вследствие этого карты часто служат важным источником для определения ориентационных предпочтений данной культуры.

Методологическая база исследования

В связи с тем, что исследование велось на стыке наук, в нем анализировались источники самых разных видов, являющиеся объектом изучения разных наук (лингвистики, археологии, истории религии, истории архитектуры, истории искусства,

истории астрономии и астрологии, истории географии и картографии, этнографии, психологии, социологии и др.). Это означает, что в работе с необходимостью использовались методики всех этих наук, что создавало значительные сложности.

Определяя научное направление, к которому принадлежит данная работа, я бы назвал его *исторической антропологией*. Методы и результаты этнографии, этнологии и социальной (или культурной) антропологии (подробно о предмете этих дисциплин писал К. Леви-Строс) по мере необходимости используются и здесь, расширяя наши возможности постичь природу архаического сознания, тем не менее основной упор делается на изучение ориентационной практики *древних* культур, а это неизбежно придает работе характер *исторического* исследования. Поскольку же объектом изучения является, как и в антропологии, человек с его представлениями об окружающем его пространстве, то "созвездие" дисциплин, тесно связанных с антропологией, как они видятся К. Леви-Стросу - психологии, лингвистики, археологии, социологии, географии - остается и для нас необходимым элементом и полем исследования.

Таким образом, весьма важными с методологической точки зрения для понимания проблем ориентации в пространстве оказываются методики, приемы и результаты исследований, характерные для многих наук "антропологического" цикла.

Я имею в виду, во-первых, те *философские и социолого-психологические исследования*, которые активно велись в послевоенный период в различных странах мира по изучению восприятия человеком окружающей его природно-географической и социально-культурной среды. В первую очередь это работы *общефилософского содержания*, рассматривающие историю и теорию восприятия пространства в человеческой истории. Весьма важными для нашей темы представляются исследования в области "географии окружающей среды" (*environmental geography*), "человеческой географии" (*human geography*), теории ментальных карт, когнитивной и перцепционной теории в изучении пространственной среды человека и т. д.

Одно из важнейших достижений этих наук состоит в том, что в центре их изучения стоят не земля и природа сами по

себе, а человек, его жизнь на земле, восприятие им окружающей среды, его идейно-психологический мир. Пространство рассматривается не в присущем ему физическом объективном существовании, а в субъективном антропо-центрическом восприятии; вводится также понятие мифологического пространства. Надо заметить, что различие физического и "воспринимаемого" пространства стало следствием развития многих научных дисциплин и в частности не-эвклидовой геометрии. Выработанные этими направлениями методы оказываются весьма плодотворными при изучении того же круга проблем, но уже на материале древних культур.

Важным подспорьем для нашей темы являются работы по *психологии ребенка*, проходящего в своем онтогенезе во многом те же стадии осознания и восприятия пространственных отношений, что и древние народы в филогенезе.

Историко-этнологические исследования, ведущиеся в Европе уже два столетия, породили большое количество школ и направлений, в которых этнологи, плодотворно соединяя материал полевых исследований мифологии и мировоззрения "примитивных" народов с данными древних культур, а также используя новейшие философские, социологические и психологические теории, добились выдающихся результатов в понимании природы "мифопоэтического" или "архаического" мышления. Огромный фактический сравнительно-исторический материал, сосредоточенный в работах указанных исследователей, а также философский категориальный аппарат, выработанный этими школами, помогают уяснить сущность изучаемых в нашей работе явлений.

Новые антропологические и культурологические подходы, развитые мировой наукой в послевоенные годы, позволяют подойти к исследованию проблем ориентации таким образом, что чисто технические, казалось бы, вопросы, - к какой стране света был обращен вавилонский жрец, или египетский храм, или могила афинянина, или алтарь христианского храма, или как была ориентирована древнеримская карта мира, или почему восток у древних турков находился "спереди", - становятся средоточием глубинных проблем общественного самосознания, в котором отражаются представления человека о себе, о космосе,

о богах, об окружающей среде, об обществе и культуре.

Конкретные результаты исследования и их научная новизна

В ходе изучения ориентационных систем в древних культурах Евразии был собран и критически проанализирован огромный источниковый материал из всех сфер жизни каждой конкретной культуры. Таким образом, выявились новые грани этих культур, они получили культурологическое осмысление и истолкование.

Общие результаты исследования могут быть сформулированы следующим образом:

-- Ориентация по странам света играла большую роль в жизни и идеологии архаических обществ, охватывая своим воздействием все сферы деятельности древнего человека.

-- По странам света ориентировались, назывались и истолковывались отдельные части космоса, страны, области, города, царские дворцы, храмы, культовые площадки, жилища, военные лагеря, поселения, земельные участки и погребения. Ориентации подлежали различные культовые действия - молитвы, процессии, инициации, жертвоприношения и прочие обряды. В некоторых сообществах регулировалась ориентация даже простейших бытовых действий - плевания, справления нужды, позиции тела во время сна и т. д.

-- Изучение генезиса этого явления приводит к выводу, что ориентация в пространстве принадлежит к одной из первичных биолого-психологических и деятельностных функций человека в процессе освоения им окружающего его мира.

-- Все системы ориентации основаны на нескольких архетипических для *homo sapiens* пространственных представлениях, простейшим из которых является четырехчастное членение пространства, произведенное из центра (принцип креста).

-- Эти представления обусловлены изначально биологическими особенностями человеческого тела, закрепились в психике человека, затем наложились на природно-космическое его окружение (в частности, точки движения Солнца по небосклону) и, наконец, были перенесены на социальную действительность. Таким образом, ориентация по странам света оказывается следствием, с одной стороны, биологической

природы человека, с другой, - космического порядка, в который оказалась встроенной Земля (ее вращение, расположение земной оси, смена дня и ночи, направление видимого движения Солнца и других небесных тел и т. д.).

-- Архетип кватерности (выделенный еще К. Г. Юнгом, является поэтому абсолютной и универсальной идеологемой человечества и появляется независимо от взаимовлияний в любой точке Земного шара.

-- В архаических обществах представление о четырех странах света в значительной мере сакрализуется, отражая соответствие и взаимодействие макрокосмических и микрокосмических явлений и процессов.

-- Пространственные представления в своей ориентационной части явились основой символической классификации, которая пронизывала все сферы жизни человека и в которой на четыре страны света и центр накладывались как на матрицу символические ряды элементов, времен года, животных, цветов и т. д. Ориентация по странам света в культовых действиях и сакральном строительстве играла важную роль в космозации земных явлений.

-- При существовании различных вариантов сакральной и бытовой ориентации, т. е. предпочтении какой-то одной страны света как особенно сакральной, в большинстве культур таковыми оказываются восток и юг. Восток выступает в качестве сакральной стороны для большинства индоевропейских, семитских и тюркских народов; в определенной степени священной она оставалась и для всех прочих древних обществ, ибо на востоке вставало Солнце, почитаемое всеми народами.

-- Понятие единой общенациональной (или общерелигиозной) ориентации допустимо, но следует признать более распространенным существование нескольких систем в рамках одной культуры, которые борются, вытесняя друг друга, накладываясь одна на другую. Они могут сменять друг друга, использоваться в разных сферах (например, в погребальных культовых действиях ориентация может быть противоположной той, которая употребляется в других обрядах), заимствоваться из других культур, насаждаться извне. Моноориентированность культур - явление редкое.

-- Для человека Северного полушария (в данном случае это устанавливается на примере Евразии) восток и юг стали сакральными направлениями *par excellence*, поскольку отражали наиболее благоприятные пункты прохождения Солнца - подателя жизни - по его эклиптической. Чем далее на север простиралась среда обитания той или иной архаической культуры, тем большее значение приобретал юг, оттесняя на второй план восток, господствующий в более южных широтах. По-видимому, в архаических культурах Южного полушария благоприятными и потому сакрализованными сторонами выступают восток и север.

-- С древнейших времен человек научился наблюдать в календарных целях за движением Солнца, чему свидетельством служат ориентированные по странам света и по различным точкам эклиптики палеоастрономические обсерватории (типа Стоунхенджа), находимые по всему миру.

-- Огромным значением Солнца объясняется и тот факт, что в культах, церемониях, гаданиях и других ритуальных действиях большинства евразийских культур движение по Солнцу (слева направо) считается благоприятным, жизнеутверждающим, несущим благодать; обратное движение в рамках двоичной классификации, где мужское противопоставлено женскому, солнце - луне, связано с лунарной идеологией и женским началом.

-- В контексте дуальных оппозиций, пронизывающих все космологические, религиозные, этические и эстетические категории архаического сознания, важную роль в ориентации по странам света играют также оппозиции правое/левое, перед/зад, верх/низ, которые часто выступают коррелятами стран света, обнажая изначальный психо-соматический и антропоцентрический взгляд на окружающую среду.

-- Анализ ориентационных систем древних культур Южной Евразии и народов Северной Евразии выявляет принципиально важную закономерность: большинство южных культур имеет определенную склонность к северу, северной части земли, горизонта, космоса; эта сторона земли считается лежащей "выше", там помещаются высокие горы, там чаще всего бывает резиденция богов (ср. взгляды индийцев, жителей Месопотамии, иудеев, мандеев, манихеев, греков, этрусков, римлян; и наоборот, у народов Северной Евразии север почти повсеместно

считался "низким", "задним", связанным с царством мертвых и т.д., в то время как югу приписывались противоположные - положительные и "высокие" качества (кельты, германцы, славяне, финно-угры, турки, монголы). На мой взгляд, основой таких представлений могла стать великая евразийская горная цепь, не только разграничивавшая народы Северной и Южной Евразии, но и определившая направление сакральной ориентации к этим горам при возникновении ориентационных систем. Горы жителями равнин всегда воспринимались как *locus sacros*, как освященное присутствием божества место, как резиденция небесных богов, как место соединения двух миров - среднего, человеческого и верхнего, небесного, божественного.

-- Рассмотренные в работе сакральные графические знаки и фигуры (круг, квадрат, крест, свастика, мандала, лабиринт и др.), имевшие широкое распространение в большинстве архаических культур, оказываются универсальными символами пространственных концепций и представлений: например, крест, вписанный в круг или квадрат, представляет собой простейшую и архетипическую космограмму, воспроизводящую идею центра и четырех стран света.

-- Трехчленная структура, свойственная вертикальной оси архаического космоса (верхний небесный мир богов, средний земной мир людей и нижний подземный/подводный мир демонов и умерших), тесно связана с четырехчленной горизонтальной структурой, ориентированной по странам света. Вертикаль может опрокидываться на горизонталь и задавать ей свои параметры. "Верх" в таких случаях оказывается идентичным с "передом".

-- Этой связью объясняется существование в качестве зооантропоморфных символов стран света трех животных (воздушной среды, земной и подземной/подводной) и человека. Такую символическую классификацию мы обнаруживаем в различных культурах Евразии; особенно ярко она проявилась в Китае, на Ближнем Востоке (в Библии), в Исландии.

-- Являясь общим мерилем времени и пространства, Солнце и Луна задают параметры обоим факторам бытия, что обуславливает их единство, взаимосвязь и взаимовлияние (единую терминологию, отождествление темпоральных и спатальных характеристик при ориентации во времени и

Введение

Во Введении ставится задача исследования, анализируется историография проблемы, обсуждаются источники и методологическая база исследования.

Часть I. ОРИЕНТАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР**(критический обзор)**

В первой Части представлена сводка всего, что мне удалось обнаружить относительно ориентации в различных архаических обществах Евразии. Здесь исследуются ориентационные системы древнего и средневекового Китая, Индии, Ирана, Мехдуречья, Иудеи, Египта, Греции и Рима. Отдельно рассматривается ориентация по странам света в великих мировых религиях - буддизме, христианстве и исламе. Заканчивается первая часть анализом материала по ориентации в языческих обществах древних кельтов, германцев, славян, финно-угров, тюрков, монголов.

Для удобства сравнения все главы построены примерно по одним и тем же рубрикам: общие замечания, общая ориентация культуры, лингвистические свидетельства ориентации, ориентация храмов, молитв, жилищ, погребений, карт, страны света в рамках символической ориентации (состав рубрик может варьироваться в зависимости от наличия источников).

В 1-ой Главе рассматриваются ориентационные системы Китая.

Китай, как, пожалуй, никакая другая страна Евразии, показывает тесную связь, которая существует между архаическим человеком и странами света. Эта связь пронизывала все сферы жизни древнего китайца, определяла многие его действия, поступки, образ мыслей и язык.

Основным выводом из собранного в главе материала является констатация развитой меридиональной ориентации, при которой отражением "небесной" ориентации является взгляд на север, а "земной" - обращение к югу. Север с его главной небесной достопримечательностью - Полярной звездой, которая символизировала собой *axis mundi*, и являлась вершиной оси, проходившей через императорский дворец и самого Сына Неба, - был источником небесной благодати и одновременно царством.

куда уходили души умерших. Вот почему почти все китайские храмы, генезис которых связывается с почитанием предков, имеют вход на юге, а "алтарную часть" - на севере. Именно в эту сторону направлены взоры адорантов в храмах и в императорском дворце, который по статусу своего владельца также приравнивался к храму.

Существование прямо противоположной ориентации - южной - следует связывать, очевидно, с направлением земного взгляда божества, взирающего с севера. Осуществление такого "взгляда" стало возможным в результате присутствия на земле живого бога - императора, который, как и храмовый идол, располагался всегда на священной северной стороне сакрального пространства, откуда он и обозревал "южный мир людей". Этим объясняются, вероятно, такие моменты номинации стран света при различных церемониях, как "передняя" и "задняя" - по отношению соответственно к югу и северу, "левая" и "правая" по отношению соответственно к восточной и западной стороне. "Земной" характер этой ориентационной системы проявляется, в частности, в южной ориентации ранних карт, в построении геометрического плана Поднебесной в виде 9-членного квадрата и в геомантической геометрии 5-членной символической классификации, в основе которой лежит квадратная земля с четырьмя странами света.

Такую же двойственность ориентационных принципов можно видеть и в преобладающем типе погребения, при котором покойника хоронили головой на север, т.е. лицом к югу. Обычно предполагается, что если покойник обращен лицом к югу, то именно там должно находиться царство мертвых. В Китае же это царство предполагается на севере, раньше, возможно, на западе. Почему же тело покойного не ориентировано лицом на север?

Вероятно, по той же причине, почему император, как принадлежащий северу, смотрит на юг. Ведь души умерших становились духами предков, а значит божествами, которые с севера взирают на "южный мир людей", помогая им и защищая от бед. Таким образом, и здесь следует различать ориентацию адоранта и ориентацию духа умершего - они прямо противоположны.

Вместе с тем, древние китайцы не могли совсем проигнорировать сакральность восточной стороны - стороны восхода солнца: существуют признаки особо почтительного отношения к востоку, реликты солярного культа. Движение солнца, главным пунктом которого был восток, давало основу для ритуального движения по часовой стрелке, имеющего благотворное воздействие и значение; обратное - лунарное в своей основе - движение считалось неблагоприятным, смертоносным.

Во 2-ой Главе собран материал, характеризующий ориентационную практику древних индийцев.

Из всех индоевропейских народов индийцы сохранили (или развили), пожалуй, одну из самых последовательных ориентационных систем, которая, кажется, пронизывала все сферы жизни. Вместе с тем изучение ее ставит больше вопросов, чем дает ответов. Многие представляются здесь загадочным и труднообъяснимым. Не в последнюю очередь это обусловлено необходимостью использования самых разнородных и разновременных источников, которые к тому же нередко описывают некие идеальные конструкции, явления и положения, не имеющие прямых практических воплощений (таковы многие шастры).

На фоне других древних культур Евразии понятна сакральная ориентация на восток и признание "задней" западной стороны неблагоприятной (об этом свидетельствуют названия стран света и описания различных обрядов). Но почему север (он у индийцев сакрален) и юг (с отрицательной коннотацией) полностью поменялись своими функциями, этот вопрос вызывает много предположений и дискуссий.

Южная сторона имеет отрицательные ассоциации уже потому, что там расположено царство мертвых. Но почему царство Ямы имеет южную, а не западную, как в большинстве других древних культур ориентацию? Далее, почему северная сторона, обычно считавшаяся темной, холодной и неблагоприятной, обрела у индийцев такое большое положительное значение, прямо ассоциируясь с солнцем, с его движением?

В историографии существует мнение об огромном значении северной Полярной звезды для культовой практики индийцев, а

также о большой роли северных гор (и особенно горы Меру) в мифологической географии вед.

Некоторые исследователи считают, что представление о высоких горах на севере восходит к тем временам, когда индийцы еще не пришли на свое новое место жительства в долинах Инда и Ганга (Бонгард-Левин/Грантовский).

С другой стороны, высказывалось предположение, что как раз направление колонизационного движения индийских племен с севера на юг и обусловило возникновение оппозиции "благого" севера (страна предков, утраченный рай, связь с космосом в виде высочайшей горы Меру - резиденции богов) "зловещему" югу (страна врагов, источник бед, опасности и смерти).

Связь сакральности севера с движением солнца, зафиксированная у индийцев, представляется на первый взгляд абсурдной: любая из трех других стран света имеет больше оснований ассоциироваться с различными моментами прохождения солнца по горизонту (восход, зенит, заход), чем север. А ведь участники похоронного обряда, возвращаясь в обычную жизнь, проходят по борозде к северу, представляя это "цедилкой Савитара" - бога солнца, и считая, что они идут "вверх, к солнцу".

Вероятно, основой такой сакрализации севера было не ежедневное движение солнца по горизонту, как в большинстве других древних культур, а годовое странствие его из южного полушария в северное и наоборот. Ведь именно движение солнца на север с момента зимнего солнцестояния ассоциировалось с началом новой жизни, приближением тепла, света, весны и прочих благ, сущностно необходимых для жизни человека. Имеются многочисленные тексты, в которых "северный путь солнца" при различных обрядах увязывается с началом, рождением, утром, в то время как "южный путь солнца" - с гибелью, вечером, концом.

Возникновение северной сакральной ориентации у индийцев стоит в резком контрасте с системой понятий, связанных с правой и левой стороной и унаследованных индийцами скорее всего от древних индоевропейских предков, для которых сакральной стороной был восток. Ведь "правое" - благоприятное, сильное, упорядоченное, светлое, разумное, *

оказывается еще и важным, имеющим теперь прямо противоположную характеристику. Любопытно, что когда речь шла о ритуалах, напрямую связанных с погребальным обрядом и с царством мертвых на юге, правая рука переставала быть первой и главной, эту роль выполняла левая рука.

По всей видимости, благоприятное значение правой стороны, столь естественное с точки зрения физиологии и психологии человека, превалировало над представлением о неблагоприятности южной стороны и составляло непересекающуюся с ним систему пространственных ориентиров.

Заслуживает внимания практика класть покойника головой на юг, коль скоро царство мертвых находилось на юге. Ведь в большинстве культур древности предполагалось, что покойник, или вернее его душа, должен после погребения направиться в сторону, где располагалось царство мертвых или культовый центр, а для этого покойника клали не головой в эту сторону, а ногами, чтобы лицо его было обращено в нужном направлении (ср. египтян, иудеев, арабов, мандеев, греков, христиан и т. д.).

В одном из описаний похоронной церемонии в "Хираньякеши-питримедхасутре" (III) говорится, что "положенные на север поднимаются, ведь эта сторона света - умиротворенная у богов и людей, за ними они и поднимаются к ней - так известно (из вед)". Не означает ли это место, что душа погребенного таким образом человека направляется на север?

Глава 3-я посвящена ориентационным системам, имевшим распространение в древнем Иране.

Рассмотренный материал показывает, что у иранцев существовали различные ориентационные системы, обусловленные сосуществованием и наложением друг на друга различных по генезису религиозных верований. Часть этих верований отражает древнее индоевропейское почитание востока, относится к пласту народных религиозных представлений (они известны в основном по греческим источникам) и находит свое выражение в древних названиях стран света и, возможно, в восточной ориентации иранских храмов. Очевидно, к этому периоду относятся космологические представления о счастливом севере, где находится мировая гора Хара Березайте - резиденция богов.

Вторая религиозная система связана с учением Зороастра, переосмыслившего некоторые пространственные представления из индоевропейского наследия и выделившего юг как сакральную страну света: именно там находилось царство света и рай, на севере же жили злые демоны. Зороастрийскими были ритуалы и религиозные воззрения так называемых персидских магов (жрецов). И наконец, эклектичная религия ахеменидских царей включала в себя элементы как зороастризма, так и народных верований, в частности, с этим связано почитание царями Митры и Анахиты, культы которых были широко распространены среди персов и даже вошли в Младшую (более позднюю) Авесту как божества, требующие поклонения.

В 4-ой Главе рассматривается сакральная и профанная ориентация народов древней Месопотамии.

По-видимому, сочетание южной (общегеографической) и восточной (религиозной) ориентации у народов Месопотамии следует объяснять наложением двух различных систем ориентации, одна из которых связана с географическим положением страны (меридиональная вытянутость ее вдоль течения Тигра и Евфрата; расположение крупнейших созвездий, по которым осуществлялась астрономическая и астрологическая ориентация, в южной части неба), другая - с солярным культом, предполагающим обрядовое обращение к востоку. Вместе с тем, существование высоких гор на севере от Междуречья и большое значение Полярной звезды диктовали определенную сакрализацию и этой страны света, возможно, выразившуюся в северной ориентации вавилонских карт.

5-ая Глава посвящена Египту.

В отличие от других архаических культур Евразии, "небо" в египетском языке (нут) - женского, "земля" (геб) - мужского рода. По мнению Р. Антеса, "эта разница в грамматическом роде как будто указывает на какие-то доисторические понятия о небе и земле, которые должны были быть мифологическими по своему характеру, и согласуется с тем фактом, что в Египте влага, оплодотворяющая почву, приносится Нилом, а не дождем". На мой взгляд, такое "странное" смещение родовой характеристики двух важнейших частей космоса, связанное с особой ролью Нила в жизни египтян, весьма показательное. Ведь именно выдающимся

значением Нила объясняется и "смещение" сакральной страны света с востока на юг, откуда приходит Нил. Этот космогонический взгляд на юг предопределил многие моменты в языковой практике номинации стран света, в изобразительном искусстве, в погребальном обряде и картографической ориентации древних египтян.

Вместе с тем, солярная ориентация на восток (и результирующая из нее хтоническая на запад) весьма рано наложилась на южную, вытесняя ее в мифологии, погребальном обряде, храмовом строительстве. Северная (астральная) ориентация, связанная с культом незаходящих звезд, также играла вначале определенную роль в культе фараонов и конструкции пирамид и мастаб.

Особая роль приписывалась в египетской мифологии и сакральной ориентации западу, где располагалось царство мертвых. По-видимому, это связано с тем огромным значением, которое имела посмертная жизнь для древних египтян; не случайно даже храмы Солнца были частью погребального комплекса (ср. сходное отношение к жизни и смерти и вытекающее из него почитание запада в буддизме).

Можно, вероятно, северо-южную ориентацию определить как "земную", детерминированную географическими - течением Нила - и политическими - объединение Нижнего и Верхнего Египта в одно государство - причинами, а восточно-западную как "небесную" - религиозно-сакральную, определяемую движением Солнца. Сосуществование этих двух ориентационных систем было вполне органично ("Север и Юг радуются, когда Солнце восходит и заходит").

В 6-ой Главе собраны материалы по ориентационным принципам древних жителей Иудеи.

Выясняется, что древний Израиль знает несколько направлений по странам света, которые в разное время были в разной степени сакральными. Почитание Востока и восходящего Солнца относится к числу древнейших, зафиксировано в Библии и сурово осуждалось с точки зрения иудаизма. Восточная ориентация отразилась в устройстве храма Соломона, в некоторых ритуалах и самих обозначениях стран света ("передняя" сторона как "восточная").

Вместе с тем древним евреям было знакомо представление о севере как месте пребывания Бога (богов), которые жили на высоких горах "высокого севера", - представление, широко распространенное у архаических народов южной Евразии.

При ориентации храма Соломона на восток, направление молитвы в храме оказывалось прямо противоположным - на запад, в сторону дебира (святая святых): таким образом, можно говорить о западной культовой ориентации в отличие от восточной храмовой.

Восприятие Иерусалима и его храма как "оси мира", пупа земли обусловило "киблическую" ориентацию в его сторону при молитве, где бы ни находился приверженец иудаизма. По этому же принципу ориентировались синагоги - сакральная сторона внутреннего интерьера должна была находиться в направлении к Иерусалиму.

В Библии обнаруживаются также следы зооморфной и цветовой символики стран света, близкой символике других архаических культур Евразии.

Ориентационные системы *манитеев* и *мандеев* рассматриваются в 7-ой Главе.

Два эклектичных религиозных течения - манихейство и учение мандеев, - возникшие на Ближнем Востоке в первых веках нашей эры и вобравшие в себя опыт различных западноазиатских и средиземноморских религий - зороастризма, иудаизма, гностических учений, христианства и даже буддизма (манихейство), иногда воспринимаются как секты - иудаизма и христианства у мандеев, зороастризма - у манихеев. Тем не менее, обе доктрины выработали четкую и ясную ориентационную систему в космологии и литургии, в рамках которой и там, и там сакральным направлением оказывается *север*. Поскольку сакрализация севера не была свойственна (по крайней мере в такой степени) религиям, от которых отталкивались манихеи и мандеи, напрашивается предположение о сознательной переориентации ими космической модели с целью подчеркнуть разрыв с "материнскими" космологиями.

8-ая Глава имеет дело с ориентационной теорией и практикой *Греции*.

В Древней Греции мы наблюдаем существование нескольких

ориентационных принципов. Как и в большинстве архаических культур Евразии, почитание востока являлось наиболее распространенным ориентирующим принципом в сакральной практике греков. Это видно и из храмостроительства (фасад храма на восточной стороне), и из направления молитвы. Вместе с тем в области космологии, мантики и картографии фиксируется повышенное внимание к северной части мира, которая рассматривается чаще всего как расположенная "выше" южной части. Западная ориентация выступает всегда в контексте хтонического, погребального или демонического культа.

9-ая Глава посвящена ориентационным системам *этрусков* и *римлян*.

Источники донесли до нас удивительную страсть римлян к пространственному упорядочиванию всех своих земных дел и творений в соответствии с космическими явлениями. Мир богов (ср. модель печени из Пьяченцы), купол неба (небесный *templum* авгура), часть земли, ограниченная линией горизонта (земной *templum*), город, поселение, военный лагерь, храм, культовая площадка - все должно было подчиняться единым "симпатическим" законам сакральной ориентации.

Многие сакральные традиции были позаимствованы римлянами от этрусков, которые долгое время были учителями римлян в ауспициях, гаруспициях, прочих мантических искусствах, а также в храмостроительстве и религиозных церемониях.

Свидетельства об ориентационной практике этрусков и римлян весьма противоречивы. Сакральная ориентация ауспиций, лимитации, гадания на печени и других культовых действий является нам в источниках то северной, то восточной, то западной, то южной. Представляется, что север сакрализовался в связи с расположением к северу от прибрежных италийских племен Апеннинских гор, которые рассматривались как место обитания богов. По оси север-юг ориентировались этрусские и ранние римские храмы.

Скорее всего, на юг была направлена изначальная ориентация сакральной этрусской лимитации. Замкнутая на севере горами и открытая к югу береговой линией территория обитания этрусских и других древних италийских племен делала, вероятно, южную сторону "передней".

Со временем, в результате все возрастающего влияния греческой культуры, у римлян все больше распространяется ориентация на восток, особенно в молитве и ориентации храмов. О западной ориентации сохранились противоречивые сведения, по-видимому, она употреблялась лишь в сфере погребальной, хтонической обрядности.

В 10-ой Главе собраны материалы ориентации *буддизма*.

В ориентационной практике буддистов ощущается сильное влияние индийской ведической религии. Многие космологические представления были заимствованы оттуда. Думается, что сакрализация северной стороны, где находилась священная гора Меру - резиденция богов, и восточной, исконно священной для всех индоевропейцев, связаны именно с ведизмом. Буддийские мандалы - своеобразные космограммы, - как и многие храмы и ступы, ориентированы именно на восток.

Специфически буддийским следует признать культ западной стороны, столь редкий в архаических культурах Евразии. На западе буддисты помещали рай ("Западный рай"), которым управлял будда Амитабха, один из самых популярных персонажей буддийского пантеона. Поскольку земная жизнь рассматривается буддистами как наказание, которое в идеале не должно повториться в виде нового рождения на земле, поэтому переход из жизни к смерти приобретает в буддизме особую значимость и положительные коннотации (ср. схожую ситуацию в Египте и связанное с этим почитание там "Прекрасного Запада").

Христианству посвящена 11-ая Глава.

Христианство - религия, рождавшаяся на глазах у человечества, обладавшего письменностью и запечатлевшего процесс возникновения и развития богословских догматов и обрядовой практики, в отличие от большинства других религий, чье начало теряется во тьме дописьменной истории.

Именно поэтому мы можем часто проследить зарождение, закрепление и практическое использование тех или иных ориентационных принципов внутри становящейся христианской церкви. В полемике с иудаизмом, от которого откололось христианство, и с языческими культами, окружавшими новую религию и воздействовавшими на становление ее обрядности, произошло закрепление единой для всех сфер христианской жизни

сакральной стороны - востока. Такого единства ориентационных принципов не знает, пожалуй, ни одна другая культура или религия. На восток возносят христиане свою молитву, туда лицом обращают они своих покойников, ибо там находится рай, в который следует стремиться душе, в сторону востока обращена алтарная часть храмов, восточная ориентация характерна и для христианской картографии. Новозаветная, как и ветхозаветная символика стран света знает, хотя и в стертой форме, зооантропоморфный и цветовой ряды символической классификации, которые превратились в четыре символа евангелистов.

В 12-ой Главе исследуется ориентация *ислама*.

Ориентационные принципы мусульман обладают многими чертами, которые были свойственны и иудаизму: первоначальное почитание солнца и восточная солнечная ориентация; запрет солнцепоклонства Мухаммадом, введшим культ единого всемогущего Аллаха; первоначальное направление молитвы на Иерусалим, отражающее тесные связи ислама с иудаизмом на ранних этапах развития ислама; подвижный характер такой ориентации при молитве; устройство мечетей, фиксирующих направление молитвы специальными нишами подобно синагогам; погребальный обряд, предполагающий обращение лица умершего в сторону священного центра и т. д.

Помещение Мекки в центре сакрального мира - самая яркая черта ориентации ислама. Направленность к Мекке (кибла) определяла все ритуалы, церемонии и обряды мусульман, где бы они ни находились: направление молитвы, ориентация мечетей, карт, погребений - все имело своей целью Мекку. Это ориентационное "подвижное единство" выделяет ислам (как и иудаизм) из других религий.

В 13-ой Главе рассматривается ориентация древних *кельтов*.

По мнению большинства историков, кельтская картина мира содержит в себе многие черты, которые мы прослеживаем у древних индоевропейцев (в частности, индийцев). Так, восток у кельтов, несомненно, выступает в качестве основной сакральной страны света, языковой узус, культ, храмы, устройство дворца правителя, погребения - все несет черты почитания востока.

Направление сакрального движения слева направо (по движению солнца) также соответствует солярной ориентации на восток. Север и юг у кельтов выступают, как у всех народов Северной Евразии, в дихотомическом различении сторон неблагоприятной (север) и благодатной (юг).

Германцам посвящена следующая 14-ая Глава.

Древнегерманская (скандинавская) ориентация по странам света предполагает наличие элементов двух разных (как хронологически, так и генетически) систем - одной, доставшейся в наследство от индоевропейского прошлого и связанной с почитанием востока (ранние погребения, названия стран света, ориентация храма), и другой, развившейся в сравнительно северных условиях обитания германцев, в которой южная сторона горизонта становится важнее и сакральнее востока (жилище, царство мертвых, ориентация поздних погребений).

В 15-ой Главе речь идет об ориентационных системах у древних славян.

Рассмотренный здесь материал позволяет предположить, что для древних славян особенно сакральными были две страны света - восток (сторона, на которой в киевском капище, возможно, стоял Перун, а в западнославянских храмах его ипостаси, и куда были обращены лица погребенных, благоприятная сторона в фольклорных и магических текстах) и юг (расположение збручского святилища, местонахождение двери в древнерусском жилище, ориентация ранних карт, локализация царства мертвых на севере и другие факты, показывающие противопоставление "хорошего" юга "плохому" северу). Первая ориентация могла быть наследием индоевропейского прошлого, вторая - следствием сравнительно северного места обитания славянских племен, при котором юг становился важнее востока.

16-ая Глава посвящена рассмотрению ориентации у финно-угров.

Проанализированный в главе материал письменных источников, археологии и этнографии показывает, что финно-угры особенно почитали две страны света - юг (местонахождение двери в жилище, ориентация культовых площадок, локализация царства мертвых на севере, ориентация

погребений и др.) и - в меньшей степени - восток. Меридиональная ориентация обусловлена, вероятно, относительно северным расположением их основного места жительства: при этом юг (ассоциируемый с солнцем, летом, теплом) оказывается сакральнее восточной страны света, являющейся предпочтительной стороной у большинства народов южной Евразии.

В 17-ой Главе рассматривается ориентация древних тюрков, монголов и других народов Сибири и Дальнего Востока, а также обобщается материал, свидетельствующий об ориентации шаманских обрядов.

Выясняется, что тюркские и монгольские народы Центральной Азии и Сибири варьировали два типа ориентации - исконную восточную, свойственную большинству тюркских народов и южную, которая чаще всего объясняется китайским влиянием еще со времени династии Шань на своих северных соседей - сначала хуннов, затем в меньшей степени тюрков, уйгуров, киргизов и, наконец, особенно сильно - маньчжуров и монголов.

Сложность картины ориентационных систем у тюрков исследователи связывают "с историей формирования этих народов, вбивавших на разных этапах своего сложения разные племенные образования, которые имели различные, привычные для них способы ориентирования на местности" (А. Н. Кононов).

Часть II. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДРЕВНИХ ОРИЕНТАЦИОННЫХ СИСТЕМ

Вторая, теоретическая, часть посвящена обобщению собранного материала уже не по культурам и народам, а по проблемам. Это дает возможность включить изученный материал в широкий культурологический контекст, увидеть общее и особенное в ориентационной практике разнообразных народов, составить классификацию ориентационных систем. При этом возникает возможность пролить дополнительный свет на многие проблемы древнего человека и общества, в частности, на изначальную сущность и эволюцию homo sapiens, соотношение биологического и социального в человеке, многоуровневость сознания, отношения природы и человека, сакральность и

профанность в картине мира и т. д.

В 1-й Главе ("Постижение пространства: центр и ориентиры") рассматривается первичная простейшая организация пространства при преобразовании Хаоса в Космос, да и, собственно, при любой структуризации окружающего человека пространства. Для архаического сознания такая структуризация означала появление верха и низа (например, неба и земли, которых в Хаосе не было), обретение центра и ориентиров, правого и левого, суши и моря, гор и ущелий и других признаков расчлененного пространства. Человеческое сознание привносит в пространственные категории краеугольное для них понятие "центра". Человек всегда воспринимает окружающий его мир относительно самого себя, полагая себя в центре Вселенной, он - начало отсчета при любом действии, при любом измерении, при любой попытке определить и структурировать пространство. Эгоцентрическая позиция человека как биологического существа распространяется затем и на более широкие сообщества людей - семью (дом), общину, деревню, город, область, страну, космос (этноцентризм). Во всех архаических культурах мы наблюдаем сакрализацию Центра, который выступает то как "ось мира" (*axis mundi*), то как "пуп Земли", то как "мировое древо", то как "мировая гора".

Идея центра отразилась также в географических и картографических представлениях: в центре описания (карты) должен был находиться идеологический и политический центр страны - ее столица (ср. Срединную империю в Китае, Вавилон в карте мира персидского времени, Иерусалим по Библии и в средневековых христианских картах, Египет на древнеегипетских космограммах, Мекку на арабских картах, Дельфы с пупом земли в описаниях и на картах греков и т. д.).

Определение ориентиров, по отношению к которым человек, глядя из центра, структурирует окружающее его пространство, тесно связано с существованием дуальных (бинарных) оппозиций, свойственных архаическому мышлению человека. Дуалистское восприятие пространства, особенно ярко проявившееся в противопоставлении правой и левой стороны (антропогенный дуализм), пронизывало все сферы жизни *homo archaicus* и подкреплялось различными формами дуализма природного

происхождения - верх/низ, день/ночь, лето/зима и т. д. (космический дуализм).

Устройство человеческого тела обуславливает автоматическое усвоение дуализма в горизонтальной сфере (наряду с оппозицией право/лево тут же выступает и вторая - перед/зад *et vice versa*). Антропоцентрический принцип ориентации по странам света в архаических культурах проявляется в том, что сами страны света обозначаются как "передняя", "задняя", "правая" и "левая". Исследования в области палеопсихологии, исторической антропологии, психоанализа, феноменологии и когнитивных наук подтверждают мой тезис о том, что именно психо-биологическая природа человека, наложившаяся на космические явления, стала причиной дальнейшего распространения четверичного принципа организации пространства и на социальную сферу. Это положение подкрепляется и исследованиями особенностей познания пространства детьми.

В том, что четверичность является архетипической категорией мышления человека, убеждает, в частности, рассмотрение самых универсальных символов архаических культур, во многом унаследованных последующими цивилизациями, - таких, как *квадрат*, *крест*, *свастика*, *мандала* и др., анализ которых также проведен в этой главе.

Антропоцентризм пространства у архаического человека проявляется также в антропоморфизме космоса. Мифологии мира содержат множество примеров "космического человека" как образа мира, ставшего и его основой-костяком, - это и китайский Паньгу, и индийский Пуруша, и библейский Адам, и иранский Ормазд, и орфический Зевс, и древнегерманский Имир.

В Главе 2-й ("Страны света в системе символической классификации") рассматривается замечательное явление, присущее многим архаическим народам, - так называемая символическая классификация, в рамках которой все сущее (боги, люди, звери, растения, минералы, страны света, местности, планеты, атмосферные явления, социальные группы, черты характера и т. д.) имеет явные или тайные закономерности взаимопроникновения, взаимозаменяемости и параллелизма своего существования в объектах другого класса

бытия (Л. Леви-Брюль назвал этот закон архаического мышления "партиципацией").

Закономерности символической классификации проявляются прежде всего в рамках двоичной классификации, по которой в разряд положительных элементов, связанных с верхом, солнцем, правым, мужским, теплым, светлым, днем, весной или летом и т. п., попадают также страны света, отмеченные почти во всех архаических культурах мира положительно-сакральным значением. Как правило, это восток в оппозиции к западу и юг в оппозиции к северу.

Особенно интересна дихотомия правого-левого, обретая не только географические (связь со странами света) и этические (правое = доброе) коннотации, но и игравшая большую роль в сакральных действиях и культе.

В прямой связи со значением, которое придавалось в различных культурах Евразии правому и левому, находится предпочтение движения по кругу слева направо (по движению Солнца) движению справа налево (против движения Солнца или по движению Луны). Сакральный характер такого движения очевиден. Движение *посолонь* (так у славян; в Индии оно называлось *прадакшина*, в Риме - *декстрация*; оба слова означают буквально "движение направо") встречается в движении вокруг своей оси при молитве, при обходе очага, жертвенника, святыни, статуи бога, почитаемого человека, дома, поселка, города и страны при совершении ритуальных действий и даже в запахе одежды. Сакральная сущность таких обходов отчетливо видна в объездах страны новым властителем после своей коронации.

Обратное движение обычно бывает связано с погребальным обрядом, с царством мертвых, со смертью. Думается, что "противосолнечное" движение спортсменов и лошадей на современных стадионах восходит к ристаниям в честь погибшего героя (как в "Илиаде" Гомера), где движение по определению должно было происходить против движения солнца.

Одним из важнейших рядов символической классификации являются числа, числовая символика. Рассмотрение этого явления позволяет прийти к выводу, что числовая основа любой классификации - это число 4, означающее полноту и законченность космического порядка. Это подтверждает

первичность стран света как основы всякой символической классификации. В случае пятичленной классификации пятым элементом оказывается центр.

Зооморфная символика стран света в ряде культур дает примерно один и тот же набор трех животных (как правило, это птица, зверь и рыба) и одного человека. Я вижу здесь явление переноса трехчленной вертикальной структуры мира, где три животных занимают и символизируют соответствующее царство, на горизонтальную плоскость, где животным по принципу дополнительности был придан человек как символ четвертой страны света - скорее всего, севера, ибо раньше человек различал только маркирование Солнцем (или Луной) трех позиций на небе - востока, юга и запада. Я надеюсь, что тем самым вполне объясняются смысл и происхождение четырех антропоморфных символов евангелистов Нового Завета.

Чрезвычайно важен также вопрос о цветовой символике стран света, присущей большинству архаических культур Евразии. Наиболее разработана и универсальна система цветообозначения в Китае: она охватывала все сферы жизни древних китайцев - от построения космологических моделей мира до обозначения территориально-административных и политических образований и цвета одежды воинов различных флангов войска.

Несмотря на многие различия в отождествлении стран света с цветами в различных культурах, система номинации цветов в символических классификациях является по сути общей для всего человечества и равным образом проявляется в ритуалах и мифологических представлениях разных народов. Как установили новейшие нейросемиотические исследования, основной общечеловеческий треугольник обозначений цветов во всех языках образуют цвета *белый*, *черный* и *красный*. Четвертый цвет во всех культурах может быть любым, чаще неопределенным (ср. в Библии "пегий", "бледный"), желтым, зеленым и т. д.).

Происхождение и принцип ассоциации стран света с тем или иным цветом пока остается нерешенной проблемой.

3-я Глава ("Священное направление") посвящена общим вопросам, связанным с существованием особо выделенного "священного направления" (*sacred direction, sakrale Richtung*). Сама система номинации стран света в разных языках

показывает, во-первых, предпочтение востока и юга и соотносительность наименований с частями человеческого тела, во-вторых, большую роль местных географических примет в формировании терминологии стран света.

Далее, при том, что в тех или иных культурах в большей или меньшей мере отдается предпочтение одной стране света, практика ориентирования показывает, что на самом деле существовали и другие ориентационные системы, работавшие в иных сферах жизни. Более того, ориентация адоранта к изображению божества часто предполагает обратную ориентацию храма и его культового изображения (статуи, алтаря и т. д.), так что иногда бывает трудно решить, с какого рода ориентацией мы имеем дело.

Тем не менее анализ всех ориентационных систем показывает, что в "розе ветров" евразийских народов чаще всего были предпочтительными восток и юг, что связано с направлением движения солнца по небосводу.

При множестве ориентационных практик бросается в глаза, что народы южной Евразии чаще рассматривают север как нечто сакральное, а народы северной Евразии, наоборот, юг почитают как высокую священную местность, где живут боги. Я назвал этот тип ориентации Меру-ориентацией, по имени священной горы индийского ведизма и буддизма, находившейся для индийцев на севере. На мой взгляд, грандиозный меридиональный горный пояс Евразии, начинающийся с Пиренеев и заканчивающийся горами Гиндукуша на востоке, разделивший всю Евразию на северную и южную части, является основой почитания северянами и южанами противоположных стран света, ибо именно в горах древний человек усматривал пребывание божественного.

Древний человек вынужден был для соблюдения графика сельскохозяйственных работ с ранних пор составлять календарь, основываясь на движении небесных светил. Древние астрономические обсерватории, обнаруженные в разных частях мира, показывают, что люди очень рано научились определять точки восхода и захода солнца в разные фазы его прохождения по эклиптике.

Наблюдения за движением Солнца, Луны, звезд и планет вызвали к жизни и астрологическую науку, которая развила свою

астрологическую ориентацию и даже астрологическую географию, когда те или иные созвездия соответствовали той или иной стране света, той или иной местности на земной поверхности.

В 4-й Главе ("Храм как модель космоса") обобщается материал об ориентации храмов. Храмы - места поклонения божественным силам - представляют собой концентрированные ступки сакрального пространства, наиболее интенсивно воспроизводящие модель вселенной, являющиеся *imago mundi*.

Именно поэтому все детали, связанные с выбором места для храма, времени его основания, ориентации основной оси, горизонтального и вертикального планов, убранства и т. д., имеют сакрально-ритуальное значение.

Такие краугольные для пространственно-символических представлений фигуры, как круг, квадрат, крест, мандала и даже лабиринт, имеют самое непосредственное отношение к пространственной структуре храма, поскольку или лежат в ее основе (круг, квадрат, крест) или даже напрямую обслуживают потребности храмостроительства (мандалы в древней Индии).

В зависимости от идеи храма - храм как жилище бога/богов (азиатские и античные храмы) или храм как место собрания общины для молитвы (иудейская синагога, христианская церковь, мусульманская мечеть) - менялось наполнение слова "ориентация". Скажем, храм Соломона в Иерусалиме ориентирован на восток в том смысле, что с этой стороны он имел входную фасадную часть, через которую восходящее солнце могло освещать внутренности храма. Однако и о христианской церкви говорят как о восточноориентированной, хотя вход у нее чаще бывает на западе, никогда на востоке, но община молится внутри храма на восток, где в апсиде находится алтарь.

О важности ориентирования храма при его закладке говорят древние свидетельства того, как выбиралось время основания, какими астрономическими наблюдениями за движением Солнца, Луны и звезд сопровождался акт закладки первого камня, какие высокопоставленные лица (фараоны, цари, высшие жрецы) участвовали в "натягивании шнура" (разметке оси храма) и какие специальные боги им при этом помогали.

Культовые действия (литургия) обычно бывают тесно связаны с ориентацией пространства храма, культовой площадки,

капища и т. д. Поэтому и ориентация литургии зависит от ориентационных принципов храмовой архитектуры.

"Сакральной ориентации 'светских' объектов" посвящена 5-я Глава.

В архаическом мышлении сакрализации подвергалась вся жизнь человека, все его окружение, начиная с самого ближнего - его тела и далее по принципу концентрических кругов - очаг, комната, дом, усадьба, дворец, город, страна, ойкумена, Земля, космос. Отсюда и сакральные элементы в ориентации вполне светских сооружений, которые отмечались во многих культурах Евразии. Собственно говоря, именно сакральная ориентация и поднимала эти сооружения в ранг сакральных.

В 6-й Главе ("Ориентация погребений и погребенных") рассматриваются способы погребения, проблема локализации царства мертвых и связь ориентации погребения с представлениями о загробной жизни. Сакральная сущность акта погребения умершего живыми, его включенность в непрерывающийся диалог человека с Космосом очевидны. Поэтому ориентация погребений и погребенных неизбежно должна была составлять важную черту всего погребального обряда, отражать ожидания живущих от загробного мира и т. д.

Выясняется, что об ориентации погребений можно говорить только в случае ингумации (погребения трупа в земле). Не во всех культурах удается проследить определенную закономерность в ориентации погребений, во многих случаях она остается хаотичной и неупорядоченной, что, вероятно, свидетельствует о равнодушии погребавших к этой стороне обряда или неопределенности географической локализации царства мертвых. Ведь именно с ним связывал архаический человек будущее местопребывание умершего.

В большинстве архаических культур южной Евразии царство мертвых находится на западе и (или) под землей, что, несомненно, имело солярную подоплеку: солнце заходит и умирает. У народов северной Евразии наблюдается смещение этого царства с запада на север (северо-запад). Бывают и иные локализации (у индийцев - южная).

При погребении учитывалось направление в сторону этого царства мертвых и хоронили чаще всего лицом, т. е. ногами в

эту сторону, реже - наоборот.

Глава 7-я ("Геокартографическая ориентация") посвящена ориентации человека в географическом пространстве, выразившейся в терминологии географических описаний и в картографической символике.

"От космограммы к карте мира" - такой путь проделала человеческая мысль в своем движении от мифологического (мифопоэтического) восприятия окружающего географического пространства с его символическими космограммами до попыток реального воплощения этого пространства в виде географического описания или карты. Почти все архаические культуры Евразии, рассмотренные в I части исследования, находились в "фазе космологической географии" с тенденцией перехода к "реальной" географии и картографии.

Собственно уже рассмотренные выше первичные пространственные символы - крест, круг и квадрат - являются простейшими космограммами, не говоря уже о мандалах. Ранние карты всех архаических культур показывают удивительное сходство в своих основных элементах. Это, как правило, омываемый со всех сторон мировым океаном диск Земли, ориентированный на четыре страны света и прикрытый сверху небесной сферой. Естественно, что такие карты обычно имели ориентацию, тождественную сакральной, принятой в данной культуре. Ориентация передавалась от космологической продукции к географической и только с трудом освобождалась от зависимости от нее.

Далее в главе дается сводка всех картографических артефактов, известных нам из архаических культур Евразии. На первый взгляд, разнообразие их ориентаций (даже в пределах одной культуры) не позволяет вывести здесь какие-то закономерности. И все же, пытаясь дифференцировать и классифицировать картографическую продукцию по ее основным признакам, мы находим некоторые корреляции между ориентацией определенных типов карт и общекультурным ориентационным контекстом. Так, основанные на научно-астрономических наблюдениях карты мира типа Птолемея коррелируют с северноориентированной системой: круглые карты мира типа *mappe mundi* тяготеют к южной и восточной ориентационным

системам, распространенным в культуре и быту. Региональные карты и планы земельных участков менее всего связаны с этими системами, выбирая любую ориентацию в зависимости от удобства картографирования и картопользования.

Большое место занимает в главе исследование проблемы соотношения карты и словесного описания в структуре восприятия пространства и его воспроизведения в тексте. На мой взгляд, подкрепленный позднейшими исследованиями (P. Janni, K. Brodersen), в истории восприятия пространства существовало две системы ориентирования, исторически следующих одна за другой, но в различные конкретные периоды истории находящихся в довольно сложных взаимоотношениях.

Первичная система ориентации человека в пространстве характеризуется непосредственным чувственно-конкретным восприятием пространства, при котором человек, полагая самого себя в центре наблюдаемого мира, устанавливает направление (или местоположение) наблюдаемых и описываемых им географических объектов по ориентирам окружающей ландшафтно-климатической природной среды, а также социально-политической, религиозной, бытовой и прочей практики. Результаты такого видения мира отразились в жанрах "хорографической" литературы и в многочисленных терминах ориентации. Думается, что эта система ориентации ("хорографическая") характерна для большинства архаических культур Евразии.

С развитием географических познаний, с прогрессом естественнонаучных дисциплин, обеспечивших теоретико-астрономическое обоснование строения и формы Земли, а также с развитием картографической теории и практики происходило становление и развитие вторичной системы ориентации, в своем крайнем выражении прямо противоположной первичной, но в чистом виде встречающейся крайне редко.

Такую систему ориентации я условно назвал "картографической". Ее характерной чертой является несвязанность с конкретно-чувственной системой отсчета, большая степень абстрагирования при рассмотрении земной поверхности от местных географических ориентиров. Если первичное восприятие пространства можно представить как

"карту пути", то здесь уже имеет место "карта-обозрение".

Изучение детской психологии показывает, что те же стадии в восприятии и овладении пространством проходит ребенок, повторяя тем самым этапы эволюции человеческого сознания.

Преобладание элементов первичной ориентации в архаических обществах ставит вопрос о роли и значении в этих культурах карт. Представляется, что не правы те исследователи, которые отводят картам слишком большое место в различных сторонах материальной и духовной культуры общества, сближая восприятие карты человеком, скажем, античности и современным, и не видя специфики в ее функционировании.

В 8-й Главе ("Templum и Tempus: Пространство и время в архаической картине мира") рассматривается связь временных и пространственных категорий в их отношении к ориентации.

О близости временных и пространственных категорий и представлений в архаических обществах известно давно. По всей видимости, пространственные категории возникли раньше и послужили основой для формирования временных категорий.

Глубоко символично, что латинские слова *tempus* - "время" и *templum* - "храм, сакральное пространство", происходят из одного корня.

В огромном количестве архаических культур проявлением единства представлений о времени и пространстве была тесная связь четырех стран света и четырех сезонов-времен года, обусловленная общим для времени и пространства мерилем - Солнцем и его суточным и годовым движением, а также движением Луны.

Любопытную иллюстрацию к сращиванию пространственных и временных категорий представляет собой наложение трех временных пластов - прошлого, настоящего и будущего - на пространственную модель мира. В Древнем Вавилоне и Иудее исследователи усматривают парадоксальное - с точки зрения современных людей - сопряжение "передней" (восточной) стороны с "прошлым", а "задней" (западной) стороны с "будущим".

Последняя, 9-я Глава ("nomo variens и архетипы восприятия пространства") подытоживает размышления о генезисе и сущности ориентации по четырем странам света.

Представленные материалы демонстрируют качественное

принципиальное единство человечества (по крайней мере, в его евразийской части, рассмотренной в книге, и лишь в одном - "ориентационном" - аспекте).

Ориентационный архетип центра и четверичности периферии врожден, по моему мнению, homo sapiens при самом его появлении, дожил до наших дней и проявляется везде и немедленно, как только человек берется структурировать окружающий его мир. Спонтанная реакция человеческого разума на окружающие его природные условия, а не культурная диффузия идей и представлений, которые будто бы происходят от одного народа-культуртрегера, - так видятся мне генезис и сущность архетипа восприятия пространства.

Интересно отметить, что в Южном Полушарии, как показывает беглый обзор материалов, многие характеристики и предпочтения стран света оказываются обратными тем, которые мы наблюдаем у людей Северного Полушария.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНО В РАБОТАХ:

1. К семантике предлогов и наречий с пространственным значением в античной географической литературе // XIV Международная конференция античников социалистических стран "Эйрене". Тезисы докладов. Ереван, 1976. С. 336-338

2. История географических представлений и исторический источник // Великий Октябрь и всемирно-исторический процесс. М., 1977. С. 196-199

3. К проблеме интерпретации античных историко-географических источников по истории народов СССР (мела, I, 11-13) // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978. С. 17-28

4. Картографический принцип в структуре географических описаний древности (постановка проблемы) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 22-45

5. О принципах построения и месте создания "Списка русских городов дальних и ближних" // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 40-48

6. Из истории античных географических представлений // Вестник древней истории. 1979. 1. С. 147-166

7. К проблеме пространственно-географической ориентации в античной географической литературе (на материале некоторых предлогов и наречий) // Проблемы античной истории и культуры: Доклады XIV Международной конференции античников социалистических стран "Эйрене". Т. I. Ереван, 1979. С. 503-509

8. Картография в Греции и Риме: К проблеме единства античной культуры // Concilium Eirene XVI. Proceedings of the 16th International Eirene Conference. Prague 31.8. - 4.9.1982. Vol. 1. Prague, 1983. P. 131-136

9. О комплексном изучении истории античной картографии // Тезисы докладов совещания "Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней". М., 1984. С. 107-108

10. Ориентация по странам света. К истории пространственных представлений в Древней Греции // Тезисы докладов научных чтений, посвященных 90-летию со дня рождения А. И. Доватура (V Доватуровские Чтения). Л., 1987

11. Пространственная ориентация у древних народов как объект культурологического исследования // Тезисы докладов и сообщений научного совещания "Комплексные методы в исторических исследованиях". М., 1987. С. 143-145

12. Сакральная ориентация по странам света в Древнем Риме // Тезисы докладов Крымской научной конференции "Проблемы античной культуры". Симферополь, 1988. С. 29-30

13. Традиции античной географии в "Космографии" Равеннского Анонима // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987. М., 1989. С. 428-256

14. Himmelsrichtung (kultische) // Reallexikon für Antike und Christentum. 15. Stuttgart, 1989. S. 233-286

15. Вопросы источниковедения при работе "на стыке наук" // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной конференции. Киев, 1990. С. 54-56

16. Рец.: The history of Cartography. Vol. I. Cartography in Prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and the Mediterranean / Ed. J.V. Harley, D. Woodward. Chicago;

- London, 1987 // Вестник древней истории. 3. 1990. С. 205-216 (в соавторстве с Л. С. Чекиным); расширенная версия рецензии в: *Imago mundi*. 43. London, 1991. P. 112-123
17. Из истории римской картографии // *Історія і культура античності*. 3-1 наукові читання пам'яті професора С. Я. Лур'є. Львів, 1990. С. 41-44
18. Певтингерова карта // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. (I-VI вв.). М., 1991. С. 63-80
19. Julius Honorius // *Lexikon des Mittelalters*. 5. München, 1991. S. 805-806
20. Kosmographie // *Ibidem*. S. 1458-1459
21. Картография в Византии // XVIII Международный конгресс византинистов. Резюме сообщений. Т. II. М., 1991. С. 906-907
22. О топонимике Северного Причерноморья на карте из Дура-Европос // *Speculum Antiquitatis Graeco-Romanae. Studia Joanni Burian Sexagenario Oblata*. Praha, 1991. P. 309-322
23. Orientation of Old Maps (from the Ancient Times till the Early Middle Ages) // 14th International Conference on the History of Cartography. 14-19 June 1991 at Uppsala and Stockholm in Sweden. Abstracts. Stockholm, 1991. P. 24
24. Дакия и Сарматия на карте мира Марка Випсания Агриппы // *Acta Associationis Internationalis Terra Antiqua Balcanica*. VI. Serdicae, 1991. С. 156-161
25. Ориентация древних карт: (С древнейших времен до раннего средневековья) // Вестник древней истории. 1992. 4. С. 64-74
26. Die sakrale Orientierung nach Himmelsrichtungen im alten Griechenland // *Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae*. XXXIII. Budapest, 1990-1992. S. 323-330
27. Die Orientierung der alten Karten von den ältesten Zeiten bis zum frühen Mittelalter // *Cartographica Helvetica*. 7. Murten, 1993. S. 33-43
28. Картография в Византии: (К постановке проблемы) // Византийский временник. 54. 1993. С. 43-48
29. Ориентация по странам света в древних культурах как объект историко-антропологического исследования // *Одиссей. Человек в истории. Картина мира в народном и ученом сознании*.

1994. М., 1994. С. 37-53

30. Страны света в дохристианской картине мира восточных славян // *Восточная Европа в древности и средневековье: Язычество, христианство, церковь. Чтения памяти В. Т. Пашуто. Тезисы докладов*. М., 1995. С. 64-68
31. Франкская космография // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. (VII-IX вв.). М., 1995. С. 398-400
32. "Космография" Равеннского Анонима // Там же. С. 401-405
33. Ориентация по странам света у древних славян // *Археология и история Пскова и Псковской земли*. 1994. Материалы научного семинара. Псков, 1995. С. 73-77
34. К вопросу об ориентации древнерусских церквей // *Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции*. Псков, 20-24 ноября 1995. Часть 2. Христианство и древнерусская культура. СПб.: Псков, 1995. С. 88-91
35. Norway in Old Norse Literature: Some Considerations on the Specific Character of Scandinavian Spatial Orientation // *Sagas and the Norwegian Experience. The Tenth International Saga Conference. Preprints*. Trondheim, 1997. P. 281-291 (совместно с Т. Н. Джаксон)
36. Психобиологические особенности человека как основа архаической картины мира // *Категоризация мира: Пространство и время. Материалы конференции*. М., 1997. С. 48-55
37. Страны света в картине мира древних народов Северной и Восточной Европы // *Austrvegr. Восточный путь*. 4. Таллинн, 1997 (в печати)
38. Страны света в картине мира древних угро-финнов // III научная конференция "Северо-Западная Русь в эпоху средневековья". Междисциплинарные исследования. Старая Ладога. 23-26 мая 1995 г. СПб., 1997 (в печати)
39. Некоторые вопросы сакральной ориентации по странам света у древних германцев // *Первые скандинавские чтения в Санкт-Петербурге. Этнографические и культурноисторические аспекты*. 16-19 апреля 1996 г. СПб., 1997 (в печати)